

УДК 141.2

ИМПЕРИЯ КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО БЫТИЯ РОССИИ

Ч. С. КИРВЕЛЬ¹⁾, О. Ч. КИРВЕЛЬ²⁾

¹⁾Гродненский государственный университет им. Янки Купалы,
ул. Э. Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь

²⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследуется российский имперский проект. Развивается концепция региональных новоимперий. Отмечается, что возрождение империи в новом варианте может быть оптимальным решением в поиске эффективного государственного устройства современной России. Раскрываются характерные черты и особенности традиционной Российской империи. К принципиальным отличиям Российской империи от западных империй колониального типа авторы причисляют гуманное отношение к входящим в ее состав народам и этносам, а также феномен сверхэксплуатации русского империеобразующего народа. Доказывается, что Россия, несмотря на территориальный размах, не являлась колониальной империей и, в отличие от западноевропейских стран, никогда не стремилась к уничтожению каких-либо народов. Высокая степень централизации традиционной Российской империи объясняется объективными условиями ее исторического бытия. Демонстрируется успешность российского имперского проекта в долгосрочной перспективе, показываются его достижения в советскую эпоху, способность к возрождению после немыслимо тяжелых катаклизмов, поражений и смут. Логика исторического развития России показывает, что единственной формой государственности, в которой страна может себя сохранить, выступает империя. Рождение новой Российской империи возможно в форме стержневого государства-цивилизации как центра притяжения для родственных в культурно-цивилизационном отношении союзных государств.

Ключевые слова: империи; колониальные морские империи; традиционные континентальные империи; Российская империя; государство-цивилизация; регионализация.

EMPIRE AS A FORM OF SOCIO-POLITICAL EXISTENCE OF RUSSIA

Ch. S. KIRVEL^a, O. Ch. KIRVEL^b

^aYanka Kupala State University of Grodno, 22 E. Azhjeshka Street, Grodno 230023, Belarus

^bBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: O. Ch. Kirvel (kirvel@bsu.by)

The article is devoted to the investigation of the Russian imperial project and develops the concept of regional new empires. The restore of the empire in a new version may be the optimal solution to the search for an effective government structure in modern Russia. The characteristic features and peculiarities of the traditional Russian Empire are disclosed. The fundamental

Образец цитирования:

Кирвель ЧС, Кирвель ОЧ. Империя как форма социально-политического бытия России. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2023;4:21–35. EDN: EDSNGW

For citation:

Kirvel ChS, Kirvel OCh. Empire as a form of socio-political existence of Russia. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2023;4:21–35. Russian. EDN: EDSNGW

Авторы:

Чеслав Станиславович Кирвель – доктор философских наук, профессор; заведующий кафедрой философии педагогического факультета.

Ольга Чеславовна Кирвель – кандидат экономических наук, доцент; доцент кафедры международных экономических отношений факультета международных отношений.

Authors:

Cheslav S. Kirvel, doctor of science (philosophy), full professor; head of the department of philosophy, faculty of pedagogy.

kaf_filosof@grsu.by

Olga Ch. Kirvel, PhD (economics), docent; associate professor at the department of international economic relations, faculty of international relations.

kirvel@bsu.by

<https://orcid.org/0000-0002-6655-0908>

differences from Western empires of the colonial type include: a humane attitude towards the peoples and ethnic groups included in the Russian Empire, the phenomenon of over-exploitation of the Russian empire-forming people. It is proved that Russia, despite its territorial scope, was not a colonial empire and, unlike Western European countries, the Russians generally had no tradition of exterminating any peoples. The high degree of centralisation of the traditional Russian Empire is explained by the objective conditions of its historical existence. The success of the Russian imperial project in the long term is demonstrated, its achievements in the Soviet era, its ability to revive after unimaginably severe cataclysms, defeats and unrest are shown. It has been established that, following the logic of the historical development of Russia, it is necessary to restore the empire in full as the only form of statehood in which the country can save itself and survive. The restore of the new Russian Empire is possible in the form of a core state-civilisation as a center of gravity for allied states related in cultural and civilisational terms.

Keywords: empires; colonial maritime empires; traditional continental empires; Russian Empire; state-civilisation; regionalisation.

Российский имперский проект является наследником двух величайших государств – православной Византийской империи и степной Монгольской империи. В течение длительного периода множество рассуждений о Российской империи вращались вокруг проблем экспансионизма в соответствии с магистральными линиями развития исторического нарратива о судьбе «покоренных народов». Однако то, «о чем обычно забывают при изучении Российской империи, – это вопросы о том, каким образом империи удалось просуществовать столь долгое время, как она эволюционировала с течением времени, как она примиряла друг с другом самые разнообразные сообщества и территории, вошедшие в ее состав, и как сами эти сообщества и территории изменялись, оказавшись частью имперской системы» [1, с. 25]. При этом из внимания исследователей часто выпадает тот факт, что Российская империя радикально отличалась не только от морских, заокеанских империй, но и от континентальных, территориальных империй.

Российский историк В. О. Ключевский весьма оригинально высказался по вопросу отличия российской империи от всех других: «История России есть история страны, которая колонизируется... <...> То падая, то поднимаясь, это вековое движение продолжается до наших дней» [2, с. 31].

В ходе своей истории Российская империя не только вобрала типичные, константные характеристики, присущие империям как таковым, но и выявила ряд особенностей, превращающих империю царской России в уникальный феномен. Сравнение империй позволяет утверждать, что политика Российской империи в отношении входящих в ее состав этнических общностей была менее репрессивной, чем политика других империй по отношению к входящим в них этносам. Так, согласно М. Уолцеру «существование огромной Российской империи, в которой не только подданные демонстрировали терпимость в большей части своих повседневных контактов и научились принимать различия, но сама власть во имя поддержания мира насаждала мирное

сосуществование, являло собой огромное достижение, достаточно редкое в истории человечества» [3, с. 14].

У империеобразующего русского народа отсутствовало чувство национального превосходства по отношению к другим народам в составе государства. Удивительная открытость русских к чужестранцам и неприятие ими ксенофобии составляют ментальный феномен русской судьбы. Описывая данную особенность имперской формы развития в России, Ф. Лонгворт отмечает, что готовность русских «...принимать в свои ряды иноплеменников всегда оставалась их типичным свойством. В данном отношении русский экспансионизм отличался от экспансионизма англичан, голландцев или французов, что давало России определенные преимущества в имперском строительстве»¹ [4, р. 25].

Утверждения многих западных и отечественных авторов о сверхжестокости российской имперской власти, особенно реакционного царя Николая I, не соответствуют действительности. Поражает неадекватностью распространившийся в Советском Союзе концепт, а точнее миф, об имперской России как о «тюрьме народов». В связи с этим Дж. Биллингтон пишет: «С точки зрения истории Россия по большей части не была ни “семьей народов”, ни “тюрьмой народов”. За все свое репрессивное и застойное 30-летнее царствование Николай I, как оказалось, казнил только пять человек» [5, с. 55].

На территориях, осваиваемых русскими, невозможно даже представить такую степень расизма, которая была характерна для морских европейских империй. По мнению Дж. Хоскинга, специфика действий Российской империи заключалась в том, что «...различий между метрополией и колониями обычно не существовало. Аннексированные территории становились полноправными частями империи, как только для этого складывались политические условия» [6, с. 55].

Другой автор, касаясь этого вопроса, утверждает, что ни Российская империя, ни Советский Союз не были этническими русскими империями, где метро-

¹Перевод наш. – Ч. К., О. К.

полю совпадала с господствующей русской национальностью. Место господствующей национальности занимал институт господства (в одном случае – дворянство, в другом случае – коммунистическая партийная элита). Институт господства «был многонациональным, и, хотя в нем преобладали русские, он управлял в имперской манере» [7, с. 39–40]. Действительно, российская имперская власть стремилась к утверждению «удобных для державы и щадящих для присоединенных народов способов объединения» [8, с. 162]. Она сохраняла на новых территориях прежний уклад жизни и с уважением относилась к местным обычаям и традициям. Выстраивая отношения с народами, вошедшими в состав империи, российские власти предоставляли им полную самостоятельность. Кроме того, царская власть культивировала принцип веротерпимости по отношению ко всем инославным представителям. Государство узаконивало отдельные нормы «канонического, брачно-семейного и наследственного права, включало их в общественно-экономическую и правовую жизнь (например, причисление неправославного духовенства к привилегированному духовному сословию), признавало их религиозные традиции (многоженство, совершение хаджа и другие значимые элементы образа жизни мусульман и др.)» [9, с. 28].

Сказанное позволяет заключить, что Российская империя была уникальной мультикультурной и мультилингвистической державой. Разве не удивительно, что не во всех республиках империи русский язык имел статус государственного? Например, в Финляндии государственными языками были шведский и финский. Авторы статьи разделяют мнение российского исследователя В. А. Ачкасова о том, что «...никто из правителей России даже не пытался превратить многоконфессиональную империю в христианскую / православную теми методами, которые уже опробовали европейские правители. Скажем, в республиканской Франции только в 1951 г. разрешили факультативно преподавать в школах патуа, т. е. местные нефранцузские наречия, до этого они находились под строжайшим запретом. Ничего подобного в императорской России не было. Так, здесь в 1863 г., после польского восстания, когда прибалтийским народам заменили латиницу на кириллицу, запрещали не язык, а алфавит. Однако даже это вызвало широкое недовольство, и данная мера была отменена» [10, с. 46].

Системного перехода всех народов страны на русский язык не было, но это не означало, что «не происходила естественная русификация малых этнических групп, расселенных в русской среде, а также представителей национальных элит» [10, с. 47].

Самая удивительная особенность Российской империи заключалась в том, что нерусские подданные практически всегда обладали определенными преимуществами по сравнению с русскими. Так, многие

исследователи доказательно и справедливо пишут о сверхэксплуатации в Российской империи именно русского народа. С помощью налоговой системы российская власть «намеренно поддерживала такое положение в империи, чтобы материальный уровень нерусских, проживавших в национальных окраинах, был выше, чем собственно русских» [11, с. 33]. Так, уровень жизни населения Польши и Финляндии до Октябрьской революции, населения Прибалтики в советское время превосходил уровень жизни населения имперского центра. Многие народы Российской империи – «финны, киргизы, таджики, узбеки, буряты, каракалпаки, якуты, азербайджанцы, горцы Кавказа, калмыки, малые народы Сибири и Севера – были освобождены от обязательной военной службы и поступали в армию лишь добровольцами», для большинства северных народов «эта льгота сохранялась достаточно долго и была отменена только в 1939 г.» [12, с. 38–39].

Новейшие данные об исполнении воинской повинности в России показывают, что в самом конце XIX в. 90 % людей, призванных в российскую армию, были русскими (включая малороссов и белорусов), те же цифры характерны для периода Великой Отечественной войны. Таким образом, «в великих войнах нашего прошлого воевали русские, побеждали русские, и если терпели поражение, то тоже русские» [13, с. 186].

Уникальным для европейских держав образом Российская империя демонстрировала обратный имперский градиент [14]. На периферии люди жили в целом лучше, чем люди из центральных русских губерний. Империя расселяла на своих землях иностранцев (немцев, греков), наделяя их привилегиями. В Российской империи только на русских и восточных славян (украинцев и белорусов) распространялись «крепостное право и рекрутский набор» [10, с. 42–43]. И в самом деле, «подати в отношении русских в XIX веке были в 2–3 раза выше, чем в отношении большинства нерусских подданных. <...> Русские несли не просто большую часть тягот, а фактически определяли своей жертвенностью успех империи» [13, с. 186].

По словам А. Эткинды, «по мере того, как расширялось государство, Россия колонизировала не только вновь освоенные территории, но и саму себя» [14, с. 100]. В Российской империи сложилась парадоксальная и вместе с тем весьма уникальная ситуация: русские выступили одновременно и колонизаторами, и колонизируемыми. Внимание царей «...было приковано к проблемным зонам на периферии, а ядро российского населения они воспринимали как ограниченный и не всегда надежный, но данный Богом ресурс. <...> Закрепощение русских русскими было механизмом внутренней колонизации со многими ее характерными функциями... Не прибыль, а порядок был главной задачей

крепостной колонизации; не производство товаров, а воспроизводство населения и колонизация территорий были ее целью» [14, с. 15–16]. При этом А. Эттингер приходит к весьма своеобразному заключению: «В XIX в. Россия была колониальной империей, как Британия или Австрия, и одновременно колонизированной территорией, как Конго и Вест-Индия» [14, с. 383]. Быть русским, по мнению П. В. Верта, означало иметь дополнительные обязанности. Многие нерусские народы (например, башкиры) имели автономный статус и даже обладали привилегиями в отношении собственности, которой были лишены русские. После Пугачёвского восстания «государство применило менее суровые наказания к нерусским (чья готовность участвовать в бунте, по-видимому, считалась понятной), чем к русским, чье участие в бунте расценивалось скорее как предательство» [15, с. 61]. Русские могли компенсировать свое бесправие лишь «символической причастностью к блеску и могуществу империи» [10, с. 61]. Таким образом, политику Российской империи нельзя исследовать ни через призму «тюрьмы народов», ни через призму биполярной схемы *угнетение – сопротивление* [16, с. 8].

Царская Россия «являла собой пример империи, в которой едва ли можно обнаружить действительный выигрыш от имперской политики властного центра... истинным получателем выгод от царской империи были периферийные группы и национальные меньшинства, занимавшие в рамках имперского порядка высокие позиции, иначе бы им никогда не доставившиеся» [17, с. 54–55]. Анализ данной сюжетной линии логично будет завершить высказыванием известного философа М. К. Мамардашвили: «Россия существует не для русских, а посредством русских».

Понятно, что политика имперской элиты, предполагающая покровительственное отношение к периферийным народам в ущерб коренному населению империи, не могла не возмущать представителей низших сословий. Так, начальник политической полиции граф А. Бенкердорф в отчете императору в 1839 г. писал: «В народе толкуют беспрестанно, что все чужезычники в России: чухны, мордва, чуваша, самоеды, татары и т. п., – свободны, а одни русские, православные – невольники, вопреки Священному Писанию. <...> Что господа обманывают царя и клеветуют перед ним на православный народ» [18, с. 46–47].

История противоречива и часто безжалостна к людям, но следует признать, что «...методичное завоевание благосклонности верхушки населявших Россию этнических групп действительно было фундаментальной целью имперской национальной политики, причем решение этой задачи казалось гораздо более важным делом, нежели формирование у собственных крестьян правильных воззрений по этому поводу. Такая позиция приносила царской ад-

министрации ощутимые дивиденды, ибо только она могла гарантировать устойчивость имперского здания» [19, с. 117]. Приведенные аргументы позволяют утверждать, что в отличие от европейских морских империй Россия, несмотря на свой территориальный размах, не являлась колониальной страной.

Многие авторы с некоторым сожалением и критикой пишут о том, что русские, увлекшись империе-строительством, не занимались формированием собственной нации и не стремились развивать в себе националистические чувства. Это мнение наиболее емко выразил Дж. Хоскинг: «Строительство государства в России мешало строительству нации» [6, с. 11]. В данном контексте уместно привести мнение А. И. Фурсова о том, что как в царской России, так и в Советском Союзе права русских ущемлялись. Автор подчеркивает: «Помимо того, что они несли на себе военное и мирное державообразующее бремя, намного более тяжелое, чем в XIX веке, они не только не вознаграждались за это (тогда Сталина за русский народ, произнесенный в 1945 году, – слабое утешение), но, по сути, не имели даже возможности зафиксировать свою национальную идентичность как ценность» [20, с. 176]. Далее А. И. Фурсов пишет о том, что «ситуация, когда русские в реальности лишены возможности фиксировать свою национальную идентичность как ценность (в ответ следует обвинение как минимум в русском национализме, в то время как нерусские национализмы, в сущности, поощряются)», сохраняется и в современной России [20, с. 176].

Этот упрек в адрес Российской империи и Советского Союза справедлив, но в определенной степени. В реальности стремление задобрить другие народы и привязать их к себе через жертвенность, различные преференции, а порой через совершенно бескорыстную братскую помощь им было вызвано не только добротой и широтой русской природы, но и стремлением к минимальной конфликтности, примирению самых разных народов, проживающих на территории России. Именно это в наибольшей степени и обеспечило успех империе-строительства. Если бы Россия действовала по образцу, например, Британской империи, то уже давно бы утратила значительную часть своей территории.

Авторы, которые делают вывод о ненормальности и ущербности Российской империи, исходя из того, что и царская имперская власть, и советская власть ущемляли права коренного русского населения, заблуждаются. Следует учитывать, что не только Российская империя подвергала сверхэксплуатации свой империеобразующий русский народ. Подобное явление наблюдалось и в других сухопутных территориально протяженных многонациональных империях. Например, в Османской империи «само понятие “турок” в устах высших сословий было синонимом понятий “мужик”, “деревенщина”» [13, с. 186],

чего нельзя сказать в отношении понятия «русский» в Российской империи. По многим характеристикам Советский Союз значительно отличался от царской империи. На мировой арене он стал уникальным образованием, авангардным проектом. Советская власть потребовала от русского народа еще большей жертвенности, чем царская власть. Такая политика объяснялась «издержками концепции интернационализма, концепции, которая, в сущности своей, не может быть признана имперской, а является авангардной, чем-то вроде противоядия, предложенного марксистами симметрично против транснационального космополитизма капиталистического мира» [13, с. 187].

Если в контексте исторической судьбы России рассматривать жертвенность, которую русский народ приносил на алтарь империестроительства, то она представляется вполне оправданной. Те исследователи, которые критикуют российскую власть и русский народ за излишнюю жертвенность, не учитывают, что она «...способствовала поддержанию постоянного, всеобъемлющего и не знающего дискриминации диалога имперского государства с проживающими на его территории национальными меньшинствами. Российское государство не было государством русских, а это значит, и национальных угнетателей в нем не было» [19, с. 115].

На испытания русского народа можно взглянуть и под другим углом: беспрецедентная стойкость, сила духа и бескорыстное служение русских людей возвысили державу, обусловили ее успехи и достижения, позволили ей в крайне неблагоприятных условиях не только создать государство-цивилизацию и заселить шестую часть суши планеты, но и к середине XX в. стать вторым полюсом мира, вторым центром силы. Главное достоинство российского империестроительства заключалось в том, что оно имело гуманистическую основу. К входившим в состав империи народам и этносам российская власть проявляла необычайную справедливость, терпимость и заботу. Конечно, эксцессы и конфликты случались, но в целом Российскую империю можно назвать самой гуманной империей в мире. В этом и заключается ее уникальность. Адекватным объяснением

сверхэксплуатации выступает «семейное» отношение к русским как к «старшим, наиболее цивилизованным и надежным» [13, с. 190]. Опора имперских властей на русский народ как на свой оплот вовсе не была контрпродуктивной, а напротив, принесла весьма позитивные результаты.

Кроме того, при более детальном изучении обнаруживается, что не такой уж тяжелой и беспросветной была жизнь российского крестьянства. Несмотря на крепостное право, в России активно пополнялся слой вольных государственных крестьян. Но даже у крепостных крестьян было не более 280 рабочих дней в году, они могли надолго уходить на промыслы по всей России, вели торговлю, держали заводы, трактиры, речные суда и даже сами нередко имели крепостных. Всем известно о «зверствах Солтычихи, но это было патологическое исключение; помещица-истязательница была приговорена к тюрьме» [21, с. 65]. Тем не менее «...совесть образованного российского сословия все больше тяготилась крепостным правом; разговоры о его отмене шли с начала XIX века. Поэтому и крестьяне считали свою зависимость временной, переносили ее с христианским терпением и достоинством, но не рабски» [21, с. 65].

В 1830-х гг. посетившему Россию англичанину задали вопрос о том, что его поразило в русском крестьянине больше всего. Тот ответил: «...опрятность, смысленность и свобода. <...> Взгляните на него: есть ли и тень рабского унижения в его поступи и речи?» [22, с. 444]. А разве в других странах, в том числе в западноевропейских, крестьянам было намного легче? На германских землях, например, крепостное право было отменено только к 1848 г. В Англии же к крестьянам наблюдалось беспрецедентно бесчеловечное отношение, особенно в 1820-х гг., когда тысячи крестьянских семей изгонялись со своей земли.

Пересуды о невыносимо тяжелой жизни и трудной доле русского крестьянства можно опровергнуть данными демографии. Так, И. Л. Солоневич в работе «Народная монархия» показывает, что в России наблюдался более активный рост численности населения, чем в ведущих европейских государствах [23, с. 153] (табл. 1).

Таблица 1

Динамика численности населения в России и странах Западной Европы в 1480–1895 гг., млн чел.

Table 1

Population dynamics in Russia and Western European countries in 1480–1895, mln people

Страна	Год					
	1480	1580	1680	1780	1880	1895
Россия	2,1	4,3	12,6	26,8	84,5	110,0
Австрия	9,5	6,5	14,0	20,2	37,8	44,8
Англия (без колоний)	3,7	4,6	5,5	9,6	35,0	39,3
Франция (без колоний)	18,6	14,3	18,8	25,1	37,4	38,4

Окончание таблицы 1
Ending of the table 1

Страна	Год					
	1480	1580	1680	1780	1880	1895
Италия	9,2	10,4	11,5	12,2	28,9	31,2
Испания	8,8	8,2	9,2	10,0	16,3	19,0

Похожие сведения о демографической ситуации в России в XVII–XIX вв. дают и другие авторы. В частности, В. В. Аверьянов описывает динамику численности населения Российской империи следующим образом: 1678 г. – 10,5 млн человек, 1897 г. – 84,0 млн человек (в их числе 55,7 млн великороссов, 22,4 млн малороссов, 5,9 млн белорусов) [13, с. 189].

Следует обратить внимание еще на одну примечательную особенность российской политики: в отличие от западноевропейских лидеров власти России никогда не ставили перед собой цель уничтожить какие-либо народы. К тому историческому моменту, когда англичане, французы и немцы стали создавать свои государства, Западную Европу в силу ее уникальных благоприятных условий населяло великое множество исторических этносов – кельтских, иллирийских, балтийских, славянских и др. Где они сейчас? Ведь в Западной Европе их было не меньше (если не больше), чем на землях России. Сегодня все они либо истреблены, либо ассимилированы. Коренное население английских территорий несколько раз было почти полностью уничтожено и заменено другим. Сегодня уже почти никто не вспоминает, что территорию Европы «...эпохи Карла Великого и первых Каролингов (786–843 гг.)... почти от самой Дании, по Эльбе и за Эльбой... через Эрфурт к Регенсбургу и по Дунаю заселяли славянские племена: абодриты, лютичи, липоны, гавелы, гедарии, укры, поморяне, сорбы и многие другие. Где они все? Что от них осталось? Они подвергались завоеванию, искоренению или полной денационализации со стороны германцев. Тактика завоевателя была такова: после военной победы в стан германцев вызывался ведущий слой побежденного народа, эта аристократия вырезалась на месте, затем обезглавленный народ подвергался принудительному крещению в католицизм, несогласные убивались тысячами; оставшиеся принудительно и бесповоротно германизировались» [24, с. 329].

Процесс уничтожения нетитульных народов и народностей в Западной Европе был таков, что они либо исчезали, либо превращались в некие этнические реликты (такие как шотландцы, валлийцы, бретонцы, госконцы, лужичане и т. д.). Сегодня только двум народам в Западной Европе – ирландцам (в британском Ольстере) и баскам (в Испании и Франции) – пока еще удается сохранять идентичность. Однако многолетние кровавые войны этих народов за элементар-

ную национальную автономию так и не увенчались успехом [25, с. 71].

Следует обратиться к судьбе народов, находящихся в составе России. Все они в «тюрьме народов» выжили, развили свою культуру, многие из них сегодня пытаются создать свою государственность, которой вообще никогда не было. Россия, в отличие от Англии, Франции, Германии и Испании, никогда не была «кладбищем народов». Историческая правда заключается в том, что нерусские народы, соединившие свою судьбу в пределах российской государственности, имели вполне достойные возможности для развития, а русский народ никогда не выступал по отношению к ним в качестве угнетателя. Сам факт наличия в России полиэтничного состава правящего класса (и правительства) с древнейших времен и до сих пор говорит о многом. В противном случае этнический состав нынешних правящих структур России наверняка был бы совсем другим, по крайней мере инациональный компонент не занимал бы такое место в политическом руководстве России, как сегодня.

В силу специфики российского исторического развития, широты пространства, климата и географического расположения у русского человека сформировались определенные архетипические качества, составляющие менталитет всего народа: открытость, всечеловечность, уникально терпимое и доброжелательное отношение к другим народам. Западные европейцы же демонстрируют агрессивное-экспансионистское, высокомерное и враждебное отношение к иным этносам. В подтверждение этого достаточно привести тот факт, что колониальная экспансия Запада погубила более 90 млн австралийских аборигенов и американских индейцев, а варварская торговля людьми унесла жизни более 20 млн африканцев [26, с. 183].

Можно рассмотреть и другой аспект проблемы. Многие исследователи с горькой неудовлетворенностью говорят об абсолютном доминировании в истории России государственного начала над индивидуальным, а также о чрезмерной централизованности, жестокости и вседозволенности государственной власти. В истории такой феномен действительно имел место, но в значительной степени он объясняется объективными условиями исторического бытия России. Наличие обширных территорий, почти не имеющих естественных рубежей, непрерывная

угроза нашествия воинственных соседей, нахождение на перекрестке Великого шелкового пути и пути «из варяг в греки» обусловили необходимость формирования сильного централизованного государства, обладающего мощными объединительными и защитными качествами. Если бы русский народ не смог проявить свою гениальность в государственном строительстве, а именно в создании мощной централизованной государственной и военной машины, восточнославянские и некоторые другие народы едва ли существовали сегодня на Земле и вряд ли где-либо слышали русскую речь. Таким образом, характер российской государственности нельзя оценивать однозначно негативно. К тому же следует отметить, что не такой уж беспредельной жестокостью отличалась русская государственная власть. Например, статистика казней в России со времен Ивана IV (Грозного) до XX в. характеризуется более низкими цифрами, чем в Европе в этот период [25, с. 26–35].

Несмотря на обилие публикаций, повествующих о сверхжестокости русских царей, особенно Ивана IV, факты говорят о другом. Большое количество казней при Иване IV объясняется отнюдь не русскостью, а тем, что царь правил в XVI в. В своей книге «Россия времен Ивана Грозного» современные историки А. А. Зимин и А. Л. Хорошкевич справедливо отмечают: «Иван IV был сыном... жестокого века. <...> Полубезумный шведский король Эрих XIV запятнал себя не меньшим количеством убийств, чем Грозный. Французский король Карл IX сам участвовал в беспощадной резне протестантов в Варфоломееву ночь 24 августа 1572 года, когда была уничтожена добрая половина родовитой французской знати. Испанский король Филипп II... с удовольствием присутствовал на бесконечных аутодафе на площадях Вальдолида» [27, с. 125]. Цена, которую уплатила Россия за ликвидацию политической раздробленности, не превосходила число жертв других народов, положенных на алтарь европейской централизации.

Известный исследователь русской истории XVI – начала XVII в. Р. Г. Скрынников доказал, что в период правления Ивана IV «было уничтожено около 3–4 тысяч человек» [28, с. 181]. Между тем давно установлено, что в Англии при Генрихе VIII были казнены 72 тыс. человек, при Елизавете I – свыше 89 тыс. человек, примерно столько же инакомыслящих было уничтожено испанскими королями Карлом V и Филиппом II.

Если на Руси при Иване IV были казнены 3 тыс. человек, то в ведущих странах Западной Европы (Испании, Франции, Англии и Нидерландах) в этот период было казнено не менее 300–400 тыс. человек [25, с. 27–28]. Таким образом, нельзя сказать, что Иван IV – это «уникальное русское чудовище» [25, с. 35]. Гораздо более важно другое. В отличие от

Англии, где высоко вознесены личности Генриха VIII и Елизаветы I, и Испании, благоговейно чтящей память Карла V, который отправил на казнь десятки тысяч человек, в России хвала в адрес Ивана IV всегда была сомнительной. Что интересно, сторонникам рассмотрения феномена большевизма как проявления русскости приходится обращаться к событиям трех- или даже четырехвековой давности, чтобы найти хоть каких-нибудь предшественников большевистских лидеров России. И это вполне закономерно, ведь в течение XVIII–XIX вв. Россия была поистине уникальной страной: за 175 лет в ней по политическим обвинениям были казнены лишь 56 человек (6 пугачёвцев, 5 декабристов, 31 террорист времени Александра II и 14 террористов времени Александра III). За этот же период в Западной Европе было совершено множество политических казней (так, всего за 3 дня июня 1848 г. в Париже были расстреляны 11 тыс. человек, а за несколько дней мая 1871 г. – более 30 тыс. человек) [25, с. 32–34].

В России подобных явлений не наблюдалось. В высшей степени примечательным может выступать следующий факт: по неопытности палачей во время казни с виселицы сорвались трое декабристов (К. Ф. Рылеев, П. Г. Каховский и С. И. Муравьев-Апостол). Между тем в это время в любом городе Западной Европы обязательно имелся квалифицированный профессиональный палач. Вплоть до XX в. в России казней было гораздо меньше, чем в Западной Европе.

Можно определенно утверждать, что накануне Первой мировой войны Россия стала весьма демократическим государством. К примеру, начиная с правления реакционного царя Николая I разоблачительную пьесу Н. В. Гоголя «Ревизор» беспрепятственно ставили на сценах российских театров, тогда как в Германии она была запрещена до 1918 г. По признанию американского исследователя Р. Пайпса, число российских чиновников в бюрократическом XIX в. было «пропорционально раз в три-четыре меньше, чем в странах Западной Европы» [29, с. 377].

Посетивший Лондон Д. И. Менделеев приводил такие данные за 1906 г.: в Лондоне число полицейских на душу населения в 10 раз больше, чем в Петербурге; во Франции на государственном бюджете было 500 тыс. чиновников (не считая выборных), тогда как в гораздо большей по территории России – только 340 тыс. (с выборными) [30, с. 67].

В работе [21] указывается, что «...накануне Первой мировой войны в России было в семь раз меньше полицейских на душу населения, чем в Англии, в пять раз меньше, чем во Франции. Впрочем, и преступность в России была значительно меньшей, чем в Западной Европе» [21, с. 86–87]. Эти данные в подробном виде представлены в табл. 2.

Таблица 2

Количество осужденных в России, США, Великобритании
в 1905–1906 гг. и в Германии в 1904 г.

Table 2

Number of convicts in Russia, USA, Great Britain
in 1905–1906 and in Germany in 1904

Страна	Количество осужденных, чел.	Количество осужденных в расчете на 100 тыс. населения, чел.
Россия	114 265	77
США	125 181	132
Великобритания	183 683	429
Германия	516 976	853

Английский профессор С. Смайльс, на протяжении пяти лет проживавший в России и изучавший новую русскую юриспруденцию, писал: «Во всем мире и во все времена не было такого гуманного, культурного и беспристрастного суда, как русский. Суд присяжных с его традиционными правами подсудимого, с его неслыханной, кристальной человечностью существует только в России» (цит. по [21, с. 88]).

Общинная жизнь существовала на Руси и до введения крепостного права. В ней всегда было очень много нравственно ценного: взаимоподдержка, неприятие эгоизма, справедливое решение споров. Все вопросы большинством голосов решал сельский сход во главе со старостой. Традиционные основы русской самобытной низовой демократии высоко ценились деятелями самых разных направлений. Например, либерал П. А. Сорокин говорил, что в России «под железной крышей самодержавной монархии жило сто тысяч крестьянских республик» (цит. по [21, с. 91]).

Благодаря политике Александра III с 1890-х гг. наблюдался небывалый подъем российской экономики: «Среднегодовые темпы роста российской экономики на протяжении целой четверти века превосходили темпы развития других развитых стран, составив 8 % в 1889–1899 гг. и 6,25 % в 1900–1913 гг. (снижение темпов объясняется войной с Японией и смутой 1905–1907 гг.). <...> С 1880 г. по 1917 г. было построено 58 251 км железных дорог» [21, с. 78]. Кроме того, «накануне войны в России действовало более 100 вузов со 150 000 студентов (во Франции тогда же было 40 000 студентов)» [21, с. 84]. Бурно развивались наука (Д. И. Менделеев, И. П. Павлов, И. М. Сеченов, И. И. Мечников, К. А. Тимирязев, Н. И. Пирогов, Н. А. Попов), литература (Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, И. А. Бунин), поэзия (А. А. Блок, И. Ф. Анненский, В. Я. Брюсов, К. Д. Бальмонт), музыка (П. И. Чайковский, М. П. Мусоргский, Н. А. Римский-Корсаков, С. В. Рахманинов, А. Г. Гречаников, И. Ф. Стравинский), театральное

искусство (Ф. И. Шаляпин, Л. В. Собинов, А. П. Павлова, М. Ф. Кшесинская), живопись (М. В. Нестеров, В. М. Васнецов, Б. М. Кустодиев). Французский поэт П. Валери называл русскую культуру конца XIX – начала XX в. одним из чудес света.

В конце XIX – начале XX в. Россия стала центром развития мировой философии. Среди наиболее известных русских философов русского религиозно-философского ренессанса можно назвать Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, С. Л. Франка, И. А. Ильина, П. А. Флоренского и др. Россия стала мировой «законодательницей мод» в области философской мысли.

Известный французский экономист Э. Тери прогнозировал: «Население России к 1948 году будет... выше, чем общее население пяти других больших европейских стран. Если у больших европейских народов дела пойдут таким же образом между 1912 и 1950 годами, как они шли между 1910 и 1912, то к середине настоящего столетия Россия будет доминировать в Европе как в политическом, так и в экономическом и финансовом отношении» (цит. по [21, с. 84–85]). Перед революцией Россия, более 80 % населения которой были крестьянами, по потреблению алкоголя занимала одно из последних мест в мире. Русские потребляли алкоголь в шесть раз меньше, чем французы, в пять раз меньше, чем итальянцы, в три раза меньше, чем англичане, и в два раза меньше, чем немцы. Революционные катаклизмы в России были следствием прежде всего трансформации сознания, ценностно-мировоззренческих ориентаций и идеологизированных установок, а также завышенных ожиданий.

Динамика территориального расширения России в процессе ее империестроительства была уникальной. Только в период между серединой XVI в. и концом XVII в. Москва ежегодно приобретала земли, равные по размеру современным Нидерландам. В результате «...к началу XVII в. Московское государство равнялось по площади всей остальной Европе, а присоединенная в первой половине XVII в.

Сибирь по масштабу вдвое превышала площадь Европы. К середине XVII в. Российское государство стало самым большим государством в мире, а к середине XVIII в. территория России, по сравнению с Московским княжеством начала правления Ивана III, увеличилась более чем в 50 раз, составив шестую часть обитаемой суши» [10, с. 52]. Но на этом имперская экспансия не закончилась.

Территориальная экспансия российского государства принципиально отличалась от направленности и характера экспансии других империй: сначала незанятые земли заселял простой народ (прежде всего вольные крестьяне, стремящиеся выйти из-под нарастающего контроля центральной власти), а затем власть присоединяла эти территории к государству. Такая экспансия не требовала каких-либо завоевательных действий: «...субъектом распространения русской цивилизации был вольный русский народ, первопроходцы, казаки, переселенцы, охотники и торговцы, добытчики пушнины и других благ, а уже во вторую очередь солдаты – и освобожденные каторжане» [13, с. 190].

Описывая территориальное расширение русского государства, И. Л. Солоневич пишет, что «на протяжении тысячи лет России удалось разгромить величайшее военное могущество монголов, Польши, Швеции, Франции, Германии, а также Турецкой империи» [23, с. 153]. В результате Россия, которая к началу княжения Ивана III, в 1464 г., охватывала территорию в 550,0 тыс. км², в год его смерти, в 1505 г., имела 2,225 тыс. км²; в 1584 г. (год смерти Ивана IV) – 4,2 тыс. км²; в 1598 г. (к концу царствования Федора) – 7,1 тыс. км²; в 1613 г. (воцарение Михаила) – 8,5 тыс. км²; в 1645 г. (год смерти Михаила) – 12,3 тыс. км²; в 1682 г. (к началу царствования Петра I) – 15,5 тыс. км²; к 1786 г. (год смерти Екатерины II) – 19,3 тыс. км² и в 1917 г. (к концу царствования Николая II) – 21,8 тыс. км² [23, с. 153]. Эти факты говорят о том, что в течение длительного времени (по крайней мере до последней четверти XX в.) русский народ демонстрировал себя на мировой арене в качестве народа-богатыря.

Рассуждая в данном русле, нельзя забывать о достижениях советской эпохи – вершины русского мира. В 1929–1955 гг. именно Советский Союз установил мировой рекорд по темпам среднегодового роста экономики. В книге «Кристалл роста. К русскому экономическому чуду» опубликованы данные по странам мира, экономики которых росли в XX в. ускоренными темпами. Среднегодовой рост экономики России в 1929–1955 гг. составил 13,8 %, Тайваня в 1947–1973 гг. – 11,5 %, Китая в 1983–2007 гг. – 10,4 %, Южной Кореи в 1966–1988 гг. – 10,2 %, Японии в 1948–1970 гг. – 9,7 %, Сингапура в 1966–1989 гг. – 9,2 %. Таким образом, Россия продемонстрировала наиболее высокие темпы роста экономики [31].

При этом авторы книги подчеркивают, что «учет данного феномена при формировании модели будущего роста экономики России требует обратить самое пристальное внимание на собственный опыт рекордного в мире роста экономики» [31, с. 30]. В связи с этим они предлагают ответить на вопросы о том, какие решения привели к рекордному росту российской экономики, а какие – к утрате ее высокого роста, а также о том, как использовать этот опыт для обеспечения высокого и продолжительного роста экономики России.

Следует обратить внимание еще на один имеющий надличностный характер и глубинно-метафизический смысл феномен бытия Российской империи – ее способность после немислимо тяжелых потрясений вновь и вновь возрождаться, становясь при этом еще более могучей. Данный исторический феномен в значительной степени объясняется географическим расположением России на границе двух миров – Европы и Азии, Запада и Востока. Именно бытие между двумя цивилизационными полюсами мира предопределило особый драматизм русской судьбы и зигзаги ее истории. В силу ряда причин в восточнославянском регионе сложились более трудные условия для жизни людей, чем в западно-европейской части ойкумены. Русские и близкородственные им народы испытывали все тяготы и риски, обусловленные природной спецификой (суровым резко континентальным климатом) и геополитическими факторами (отсутствием естественных границ в условиях соседства с сильными и агрессивными геополитическими противниками). С учетом этих обстоятельств многовековая история русского народа почти постоянно протекала в рамках парадигмы «быть или не быть». Драматизм исторической судьбы России естественным образом формировал специфический дух ее народа с определенными архетипами сознания и ментальными структурами. Тяжелые испытания закалили русский народ, укрепили его силу, развили в нем феноменальную стойкость. Примеры возрождения России и ее движения через падение к новым достижениям общеизвестны.

Российский автор Р. Соколова в статье «Дух народа. Образ победы и русский характер» пишет о том, что в схожих повторяющихся исторических ситуациях в рамках дилеммы «быть или не быть» присутствует недоступный логическому пониманию дух народа, который оказывается ключевым аспектом в многослойной теме народа. Именно от него зависит судьба государств и всей цивилизации. Хотя образ-понятие «дух народа» и не лишен идеологического подтекста, он вовсе не является неким искусственным идеологическим конструктом, а выступает реальностью, недостаточно изученной и непостижимой в своей полноте. Тем не менее она существует, что подтверждается большим интересом

к ней со стороны представителей социогуманитарного знания².

Анализируя понятие «дух народа», Р. Соколова приходит к выводу, на который самое пристальное внимание следует обратить представителям общественности. Она, в частности, утверждает, что сложившаяся в познании формально-логическая система понятий и идей не способна уловить живую пульсацию жизни, связанную с духовным состоянием народа, а также с его глубоко переживаемым экзистенциальным опытом. Данный опыт не укладывается в жесткие схемы и требует для своего выражения особого языка и особой формы изложения. Без обращения к метафизическим основаниям реальности и сложной комбинации невидимых линий, пронизывающих ее, невозможно приблизиться к пониманию духа народа. В объяснении данных понятий ученым пока не хватает смелости «выйти из кокона материалистического рационализма, перешагнуть рамки принудительно навязанных либеральных идеологических постулатов, враждебных сфере духовного»³.

Объявленная в феврале 2022 г. президентом России В. В. Путиным специальная военная операция вовсе не является произвольным решением. По мнению авторов статьи, оно имеет надличностный характер и продиктовано метафизическими смыслами, проистекающими из духа русского народа, из его иррационально постигаемого глубинного самосознания и национального мировосприятия. Русскому народу невыносимо унижительным виделось дальнейшее существование его великой державы в статусе неокolonии коллективного Запада. Он жаждал изменений. Именно в этом заключается фундаментальная причина объявления специальной военной операции. Таким образом, и сегодня дух народа обнаруживает себя с той же силой, что и в прежние времена. Стало быть, Россия не будет побеждена.

По словам Р. Соколовой, «дух народа является своеобразным кодом российской цивилизации, который остается устойчивым во времени, обеспечивая преемственность российской истории, несмотря на все ее исторические разрывы»⁴. Его исследование дает возможность сфокусировать качественные характеристики российской цивилизации, глубже понять смысл ее истории, а также причины возникновения мощного российского государства. Дух народа «...определяет не только поведение отдельных людей, но и сущность государства. Обращение к духу

народа позволяет увидеть потенциальные возможности России, которые пронизаны свойственным ему неудержимым стремлением к победе»⁵.

Говоря об особенностях формирования духа русского народа, следует обратить внимание еще на один весьма примечательный момент. Если лидерам Западной Европы удалось навязать обществу свои ценности и привить свою «культуру», то в России этого не случилось. Угнетенные слои остались народом, а господствующие слои превратились в квазинацию со своими нормами поведения, структурами повседневности и т. д. Сформировались два противостоящих друг другу уклада, причем враждебных. Среди причин крайней жестокости Гражданской войны было то, «что в ней столкнулись не только эксплуататоры и эксплуатируемые, а два разных типа социогуманитарной организации, персонализаторы разных культурных миров, причем один из этих миров – русский – был народным, а тот, что можно назвать национальным, был не столько русским, сколько европейским или русско-европейским и уж точно не традиционным» [20, с. 176–177].

Еще в эпоху Московского царства сформировались такие осевые структуры русского национального характера, как стремление к выдвиганию мессианских идей, к идеалу и склонность к дискретной модели развития, к скачкам в «царство свободы», в стремлении к реализации которых необходимо стоять до конца, не щадя даже своей жизни. Корни этого черта национального характера со временем вошли в коллективное бессознательное русского народа и, как это ни удивительно, в значительной степени сохраняют свою значимость и силу. То, что после беспрерывной 30-летней информационной бомбардировки, деформирующей сознание и душу, простой русский человек, в отличие от значительной части политических, интеллектуальных и творческих элит, одержимых желанием войти в европейский дом, сохранил патриотическое сознание, веру в историческую миссию своей страны, способность перенести всевозможные испытания и натиск враждебной ему идеологии, просто поражает [32, с. 92–99].

Часть российской интеллигенции оторвана от корней народной жизни. Многие представители элиты, движимые иррациональной любовью к культуре потребления, готовы к бесконечному и бездумному эпигонству. Причем они готовы это делать даже в том случае, если их кумир, Запад, не только ничего не дает своего, но и отнимает чужое. Причины этого феномена кроются, по-видимому, в особенностях

²Соколова Р. Дух народа. Образ победы и русский характер [Электронный ресурс] // Завтра. 2022. № 34 (1495). URL: <https://zavtra.ru/archive/2022/8/1495> (дата обращения: 12.09.2023).

³Соколова Р. Дух народа. Образ победы и русский характер [Электронный ресурс] // Завтра. 2022. № 34 (1495). URL: <https://zavtra.ru/archive/2022/8/1495> (дата обращения: 12.09.2023).

⁴Там же.

⁵Там же.

образования русской интеллигенции как социального слоя. Исследование данного процесса демонстрирует решающую роль в нем фактора маргинальности интеллигенции. Последняя формировалась в Советском Союзе и России преимущественно из представителей социальных сословий и групп, порвавших со своим прошлым. Лишенные традиций и не имевшие устоявшегося образа жизни, они были чрезвычайно идейно подвижными и падкими на передовые учения. Маргинальность интеллигенции обусловила ее «безбытность», неприятие устойчивых форм жизни и враждебное отношение к представляющим их социальным структурам. В отличие от русской интеллигенции консервативного крыла с ее здоровым рассудочным критицизмом и осторожным проективным мышлением западное крыло интеллигенции характеризуется теоретическим радикализмом, лихорадочным отрицанием и некритической приверженностью к рискованному социальному экспериментаторству. Из западной мысли оно воспринимает лишь все упрощенно-отрицательные, нигилистические, бунтарские и разрушительные устремления (атеизм, материализм, социалистические и либеральные идеи в самых радикальных их формах, политический экстремизм и т. д.). Таким образом, по своим интеллектуальным и морально-психологическим качествам западная интеллигенция представляет собой наименее дальновидную и, к сожалению, наиболее коррумпированную и компрадорскую группу людей в восточнославянских странах.

Не следует забывать о том, что русский народ не только имеет склонность к выдвиганию новых мессианских идей, но и обладает способностью к колоссальным выбросам энергии, максимальной мобилизации всех национальных и духовных ресурсов во имя достижения общенациональных целей в критические моменты истории, когда встает вопрос о судьбе страны. Последний выброс такой энергии продолжался с 1917 по середину 1950-х гг. [33, с. 43]. Наверное, неслучайно мировая история постоянно отрабатывает свои теории на России, время от времени превращая ее в гигантскую экспериментальную лабораторию. Поэтому не исключено, что скоро Россия вновь сможет осуществить очередной выброс энергии и открыть человечеству путь к новому мироустройству. Даже будучи униженной и разграбленной, она остается могучей и богатой. При этом глубинные нравственные устои и архетипы народного сознания русского человека сохраняют свою силу, хотя и намеренно извращаются определенными политическими силами и средствами массовой информации.

Выживаемость русского народа, заселившего и ассимилировавшего огромные (по преимуществу северные) территории и создавшего самую крупную

державу мира, поражает. Не зря многие авторы характеризуют русских как «особенный, очень могучий, неунывающий и жизнестойкий народ» [34, с. 188].

Каковы же перспективы имперского развития современного российского государства? Сегодня Россия официально позиционирует себя как федеративное государство. Однако, судя по всему, российский федерализм так и не может по-настоящему прижиться на русской почве и выступает лишь умозрительным построением. В статье «Империя и федерация» А. А. Захаров делает вывод о том, что ни в Советском Союзе, ни в Российской Федерации не удалось расшатать однонаправленную ось *центр – периферия*, составляющую структурную основу всякого имперского бытия. В итоге регион, как самостоятельный и активный политический субъект, в России отсутствует. Непопулярность федералистского проекта А. А. Захаров объясняет вполне очевидными причинами: «...если в минувшие полтора десятилетия федерализм рассматривался в качестве одного из важнейших инструментов реформирования империи в принципиально иную политическую сущность, то теперь, в условиях открывшегося у имперского проекта второго дыхания, данная функция сделалась неактуальной» [19, с. 122]. При этом исследователь отмечает, что имперская государственность в России не прекращала своего бытия, а просто переходила из явной формы в скрытую и наоборот. Даже в начале 1990-х гг., в период федерализации, диалог Москвы с регионами весьма походил на взаимоотношения ядра и периферии в классической империи [19, с. 122].

Действительно, российская политическая система всегда «последовательно отвергала целенаправленную децентрализацию власти» [19, с. 122]. По этой причине можно заключить, что современная Россия лишь отчасти имеет федеративный характер. В своей глубинной сущности она является империей. И даже создатели Советского Союза, делавшие все, чтобы похоронить Российскую империю, тем не менее были вынуждены сохранить ее. В реальности не прошло и десяти лет после Октябрьской революции, как древние механизмы снова заработали: И. В. Сталин с большим размахом стал строить уже новую коммунистическую империю. Заметим, что Советское государство превзошло по своему размаху все предшествующие империи. Российский исследователь М. Леонтьев отмечает, что «...русские – это... имперскообразующий народ. Это этнос, который не может существовать вне более широкой имперской общности. Вопрос достройки нации, более или менее подогнанный под западную политологическую терминологию, – это вопрос достройки империи» [35, с. 7].

И по сей день русскому народу присуща имперская ментальность. Логика исторического развития

России требует восстановления империи в ее полном объеме. Судьба России – быть империей.

Имперская государственность является самой органичной и эффективной для России. Это единственная форма государственности, в которой страна может себя сохранить. Она обречена нести на себе бремя империи. Без империи русские не смогут сохранить свою идентичность, потеряют государство и исчезнут как народ. Следует помнить, что самых больших успехов Россия достигала, будучи империей, в которой находилось место для каждого народа и человека.

Выдающийся российский общественный деятель, писатель А. А. Проханов выдвинул концепцию пяти империй, которые сменяли в России одна другую. По мнению мыслителя, в наше зарождается пятая империя. Сегодня, как пишет А. А. Проханов, «мы находимся в эпицентре какого-то вихревого образования, которое вопреки всем вульгарно-рационалистическим и банально-примитивистским взглядам уже совсем скоро породит новый цивилизационный кристалл – фундамент чаемой пятой империи» [36, с. 23]. Таким образом, возрождение новой Российской империи уже началось.

Будущее таит в себе много неизвестного. Оно всегда есть результат синергетического эффекта разнонаправленных факторов (непредсказуемого социального выбора и поступка, проб и ошибок, случайного стечения обстоятельств, пересматриваемых и постоянно изменяемых решений и т. д.), однако важно помнить о том, что будущее в значительной степени зависит от того, каким мы его представляем сегодня. В силу действия механизма самоосуществляющихся пророчеств оно в немалой степени будет соответствовать тому, к чему мы стремимся и за что боремся. То, что люди думают об ожидаемом будущем, воздействует на их дела здесь и сейчас. Явные осознанные и скрытые бессознательные установки относительно будущего определяют поведение людей сегодня. Стало быть, представление будущего – это один из способов воздействия на него, путь его формирования. Наши желания и представления в от-

ношении пятой империи, несомненно, повлияют на ее будущий облик. При этом будущее выступает также как продукт политической деятельности, борьбы и естественных процессов в жизнедеятельности общества. Какое же будущее Российской империи представляется желательным? Возрождение российского имперского проекта предполагает прежде всего окончательный слом той модели общественного устройства, которая была навязана России в 1990-х гг., в перестроечный период.

Как уже отмечалось, в наше время такие стержневые государства-цивилизации, как Индия, Китай, Россия и им подобные, становятся центрами притяжения для родственных в культурно-цивилизационном отношении союзных государств. В данных региональных объединениях возможно утверждение имперской формы правления и развития. В связи с этим перед стержневым российским государством встает необходимость расширения сферы цивилизационного влияния на окружающие ее народы, превращения в один из региональных полюсов мира. России необходимо стать страной с «собственной орбитой и силой притяжения», обрести собственное «гравитационное поле» [37, с. 8]. Для того чтобы сохранить себя как крупное, самостоятельное, суверенное государство, России придется сформировать и утвердить другую, отличную от западной систему ценностей. Иначе говоря, стране необходимо решить проблему формирования «русоцентричного мира» как современного этапа эволюции российского государства-цивилизации, «выработать собственный цивилизационный стандарт, стать самореферентной системой» [38, с. 87]. Следует признать, что Россия уже открыто заявила и практически приступила к утверждению собственного цивилизационного пути развития.

Судьба, образ, специфика и характер новой Российской империи зависят от решения указанных фундаментальных задач. Это дело непростое и нескорое. Однако в конечном счете эти задачи, несомненно, будут решены, ибо русский народ – это народ империи.

Библиографические ссылки

1. Хаген М. История России как история империи: перспективы федералистского подхода. В: *Российская империя в зарубежной историографии: работы последних лет*. Верт П, Кабытов ПС, Миллер АИ, составители. Москва: Новое издательство; 2005. с. 18–48.
2. Ключевский ВО. *Сочинения. Том 1*. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1956. 425 с.
3. Уолцер М. *О терпимости: лекции по этике, политике, экономике*. Мюрнберг И, переводчик. Москва: Дом интеллектуальной книги; 2000. 160 с.
4. Longworth Ph. *Russia's empires. Their rise and fall from prehistory to Putin*. London: John Murray; 2006. 416 p.
5. Биллингтон Дж. *Россия в поисках себя*. Балашов НН, переводчик. Москва: РОССПЭН; 2005. 224 с.
6. Хоскинг Дж. *Россия: народ и империя (1552–1917)*. Смоленск: Русич; 2001. 512 с.

7. Суни РГ. Империя как она есть: имперский период в истории России, «национальная» идентичность и теория империи. В: Тишков ВА, Шнирельман ВА, редакторы. *Национализм в мировой истории*. Москва: Наука; 2007. с. 36–82.
8. Волкова ИВ. Становление Российской империи: роль военных структур и военных действий. В: Рябинин АЛ, Лукьянов ГВ, редакторы. *Имперский вопрос и национальный ответ*. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2009. с. 147–164.
9. Якунин ВИ, Сулакшин СС, Багдасарян ВЭ. *Правовое противодействие расовой, национальной, религиозной дискриминации*. Москва: Научный эксперт; 2009. 224 с.
10. Ачкасов ВА. *Российская дилемма: империя или нация-государство*. Москва: Юрайт; 2019. 373 с.
11. Миронов БН. *Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.)*. Том 1. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин; 2003. 548 с.
12. Верещагин ИФ, Зайков КС, Тамицкий АМ, Трошина ТИ, Соколова ФХ, Харлампьева НК и др. *Этнонациональные процессы в Арктике: тенденции, проблемы и перспективы*. Архангельск: САФУ; 2017. 325 с.
13. Аверьянов ВВ. Империя и воля. *Москва*. 2012;1:180–193.
14. Эткин А. *Внутренняя колонизация. Имперский опыт России*. Макаров В, переводчик. Москва: Новое литературное обозрение; 2013. 448 с.
15. Верт ПВ. От «сопротивления» к «подрывной деятельности»: власть империи, противостояние местного населения и их взаимозависимость. В: *Российская империя в зарубежной историографии: работы последних лет*. Верт П, Кабытов ПС, Миллер АИ, составители. Москва: Новое издательство; 2005. с. 48–83.
16. Мацузато К. *Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона*. Саппоро: Slavic Research Center; 2003. Предисловие; с. 7–14.
17. Мюнклер Г. *Империи. Логика господства над миром. От Древнего Рима до США*. Ланник ЛВ, переводчик. Москва: Кучково поле; 2015. 400 с.
18. Пушкарев СГ. *Самоуправление и свобода в России*. Франкфурт-на-Майне: Посев; 1985. 174 с.
19. Захаров АА. Империя и федерация. *Свободная мысль*. 2006;5:111–125.
20. Сергеев С, Ремизов М, Соловей В, Цымбурский В, Куренной В, Межуев Б и др. Россия: национальное государство или империя? Круглый стол журнала «Москва». *Москва*. 2008;5:155–180.
21. Назаров МВ. *Вождь третьего Рима*. Москва: Русская идея; 2004. 992 с.
22. Алексеев МП. Пушкин и английские путешественники в России. Lib.ru [Интернет; процитировано 12 сентября 2023 г.]. Доступно по: http://az.lib.ru/p/pushkin_a_s/text_0100.shtml.
23. Солоневич ИЛ. *Народная монархия*. Буэнос-Айрес: Наша страна; 1973. 494 с.
24. Ильин ИА. *Собрание сочинений. Том 2. Книга 1, Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг.* Москва: Русская книга; 1993. Что сулит миру расчленение России?; с. 326–344.
25. Кожин ВВ. *История Руси и русского слова*. Москва: Алгоритм; 1999. 480 с.
26. Абазов РФ. Переосмысление прав человека. *Полис. Политические исследования*. 1995;2:183.
27. Зимин АА, Хорошкевич АЛ. *Россия времен Ивана Грозного*. Москва: Наука; 1982. 184 с.
28. Скрынников РГ. *Иван Грозный*. Москва: Наука; 1975. 248 с.
29. Пайпс Р. *Россия при старом режиме*. Козловский В, переводчик. Москва: Независимая газета; 1993. 453 с.
30. Менделеев ДИ. *К познанию России*. Мюнхен: Милавида; 1924. 157 с.
31. Галушка АС, Ниязметов АК, Окулов МО. *Кристалл роста. К русскому экономическому чуду*. Москва: Наше завтра; 2021. 360 с.
32. Кирвель ЧС. Дух народа как опора государства. *Беларуская думка* [Интернет]. 2014 [процитировано 12 сентября 2023 г.];5:92–99. Доступно по: https://beldumka.belta.by/ru/issues?art_id=1342.
33. Силин ПБ. Имперскость 2.0? Объективные ограничители российской внешней политики и как их преодолеть. *Россия в глобальной политике* [Интернет]. 2019 [процитировано 12 сентября 2023 г.];17(2):73–84. Доступно по: <https://globalaffairs.ru/articles/imperskost-2-0/>.
34. Аверьянов ВВ, Елисеев АВ, Калашников МА. *Всплывающая империя*. Москва: Наше завтра; 2022. 274 с.
35. Леонтьев М. Предисловие. В: Иванов ВВ, составитель. *Охранитель*. Москва: Европа; 2007. с. 5–7.
36. Проханов АА. Пятая империя. Страна накануне восстановления формы своего исторического бытия. *Политический класс: Журнал политической мысли России*. 2006;7:20–26.
37. Межуев БВ. «Цивилизационный реализм» как шанс на возвращение теории к реальной политике. *Философия. Реферативный журнал* [Интернет]. 2019 [процитировано 12 сентября 2023 г.];4:6–26. Доступно по: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsivilizatsionnyu-realizm-kak-shans-na-vozvrashchenie-teorii-k-realnoy-politik>.
38. Спиридонова ВИ. Цивилизационная самоидентификация как ответ на неолиберальный кризис. *Философские науки*. 2023;66(1):77–97. DOI: 10.30727/0235-1188-2022-66-1-77-97.

References

1. Khagen M. [The history of Russia as the history of the empire: prospects for a federalist approach]. In: *Rossiiskaya imperiya v zarubezhnoi istoriografii: raboty poslednikh let* [The Russian Empire in foreign historiography: recent works]. Vert P, Kabytov PS, Miller AI, compilers. Moscow: Novoe izdatel'stvo; 2005. p. 18–48. Russian.
2. Klyuchevskii VO. *Sochineniya. Tom 1* [Essays. Volume 1]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1956. 425 p. Russian.

3. Walzer M. *O terpmosti: leksii po ehtike, politike, ehkonomike* [About tolerance: lectures on ethics, politics, economics]. Myurnberg I, translator. Moscow: Dom intellektual'noi knigi; 2000. 160 p. Russian.
4. Longworth Ph. *Russia's empires. Their rise and fall from prehistory to Putin*. London: John Murray; 2006. 416 p.
5. Billington J. *Rossiya v poiskakh sebya* [Russia in search of itself]. Balashov NN, translator. Moscow: ROSSPEN; 2005. 224 p. Russian.
6. Hoskin G. *Rossiya: narod i imperiya (1552–1917)* [Russia: people and empire (1552–1917)]. Smolensk: Rusich; 2001. 512 p. Russian.
7. Suni RG. [The empire as it is: the imperial period in the history of Russia, «national» identity and the theory of empire]. In: Tishkov VA, Shnirel'man VA, editors. *Natsionalizm v mirovoi istorii* [Nationalism in world history]. Moscow: Nauka; 2007. p. 36–82. Russian.
8. Volkova IV. [The formation of the Russian Empire: the role of military structures and military operations]. In: Ryabinin AL, Luk'yanov GV, editors. *Imperskii vopros i natsional'nyi otvet* [The imperial question and the national answer]. Moscow: Higher School of Economics Publishing House; 2009. p. 147–164. Russian.
9. Yakunin VI, Sulakshin SS, Bagdasaryan VE. *Pravovoe protivodeistvie rasovoi, natsional'noi, religioznoi diskriminatsii* [Legal counteraction to racial, national, religious discrimination]. Moscow: Nauchnyi ehkspert; 2009. 224 p. Russian.
10. Achkasov VA. *Rossiiskaya dilemma: imperiya ili natsiya-gosudarstvo* [Russian dilemma: empire or nation-state]. Moscow: Yurait; 2019. 373 p. Russian.
11. Mironov BN. *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.). Tom 1* [Social history of Russia during the imperial period (XVIII – early XX century). Volume 1]. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin; 2003. 548 p. Russian.
12. Vereshchagin IF, Zaikov KS, Tamitskii AM, Troshina TI, Sokolova FKh, Kharlamp'eva NK, et al. *Ehtnonatsional'nye protsessy v Arktike: tendentsii, problemy i perspektivy* [Ethnonational processes in the Arctic: trends, problems and prospects]. Arkhangel'sk: Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov; 2017. 325 p. Russian.
13. Aver'yanov VV. [Empire and will]. *Moskva*. 2012;1:180–193. Russian.
14. Etkind A. *Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskii opyt Rossii* [Internal colonisation. The imperial experience of Russia]. Makarov V, translator. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2013. 448 p. Russian.
15. Vert PV. [From «resistance» to «subversion»: the power of the empire, the opposition of the local population and their interdependence]. In: *Rossiiskaya imperiya v zarubezhnoi istoriografii: raboty poslednikh let* [The Russian Empire in foreign historiography: recent works]. Vert P, Kabytov PS, Miller AI, compilers. Moscow: Novoe izdatel'stvo; 2005. p. 48–83. Russian.
16. Matsuzato K. *Novaya volna v izuchenii ehtnopoliticheskoi istorii Volgo-Ural'skogo regiona* [A new wave in the study of the ethnopolitical history of the Volga-Ural region]. Sapporo: Slavic Research Center; 2003. [Preface]; p. 7–14. Russian.
17. Münkler H. *Imperien. Die Logik der Weltherrschaft – vom Alten Rom bis zu den Vereinigten*. Berlin: Rowohlt; 2005. 332 s. Russian edition: Münkler H. *Imperii. Logika gosподства nad mirom. Ot Drevnego Rima do SShA*. Lannik LV, translator. Moscow: Kuchkovo pole; 2015. 400 p.
18. Pushkarev SG. *Samoupravlenie i svoboda v Rossii* [Self-government and freedom in Russia]. Frankfurt am Main: Posev; 1985. 174 p. Russian.
19. Zakharov AA. [Empire and federation]. *Svobodnaya mysl'*. 2006;5:111–125. Russian.
20. Sergeev S, Remizov M, Solovei V, Tsymburskii V, Kurennoi V, Mezhev B, et al. [Russia: nation state or empire? Round table of the magazine «Moscow»]. *Moskva*. 2008;5:155–180. Russian.
21. Nazarov MV. *Vozhd' tret'ego Rima* [The leader of the third Rome]. Moscow: Russkaya ideya; 2004. 992 p. Russian.
22. Alekseev MP. [Pushkin and English travelers in Russia.]. Lib.ru [Internet; cited 2023 September 12]. Available from: http://az.lib.ru/p/pushkin_a_s/text_0100.shtml. Russian.
23. Solonevich IL. *Narodnaya monarkhiya* [People's monarchy]. Buenos-Aires: Nasha strana; 1973. 494 p. Russian.
24. Il'in IA. *Sobranie sochinenii. Tom 2. Kniga 1, Nashi zadachi. Stat'i 1948–1954 gg.* [Collected works. Volume 2. Book 1, Our tasks. Articles 1948–1954]. Moscow: Russkaya kniga; 1993. [What does the dismemberment of Russia promise to the world?]; p. 326–344. Russian.
25. Kozhinov VV. *Istoriya Rusi i russkogo slova* [History of Rus' and the Russian word]. Moscow: Algoritm; 1999. 480 p. Russian.
26. Abazov RF. [Rethinking human rights]. *Polis. Political Studies*. 1995;2:183. Russian.
27. Zimin AA, Khoroshkevich AL. *Rossiya vremen Ivana Groznogo* [Russia during the time of Ivan Grozny]. Moscow: Nauka; 1982. 184 p. Russian.
28. Skrynnikov RG. *Ivan Groznyi*. Moscow: Nauka; 1975. 248 p. Russian.
29. Pipes R. *Russia under the old regime*. London: Weidenfeld and Nicolson; 1974. 361 p. Russian edition: Pipes R. *Rossiya pri starom rezhime*. Kozlovskii V, translator. Moscow: Nezavisimaya gazeta; 1993. 453 p.
30. Mendeleev DI. *K poznaniyu Rossii* [Towards knowledge of Russia]. Munich: Milavida; 1924. 157 p. Russian.
31. Galushka AS, Niyazmetov AK, Okulov MO. *Kristall rosta. K russkomu ehkonomicheskomu chudu* [Crystal of growth. Towards the Russian economic miracle]. Moscow: Nashe zavtra; 2021. 360 p. Russian.
32. Kirvel' ChS. [The spirit of the people as the support of the state]. *Belaruskaja dumka* [Internet]. 2014 [cited 2023 September 12];5:92–99. Available from: https://beldumka.belta.by/ru/issues?art_id=1342. Russian.
33. Silin PB. [Imperial 2.0? Objective constraints of Russian foreign policy and how to overcome them]. *Russia in Global Affairs* [Internet]. 2019 [cited 2023 September 12];17(2):73–84. Available from: <https://globalaffairs.ru/articles/imperskost-2-0/>. Russian.
34. Aver'yanov VV, Eliseev AV, Kalashnikov MA. *Vsplyvayushchaya imperiya* [Surfacing empire]. Moscow: Nashe zavtra; 2022. 274 p. Russian.
35. Leont'ev M. [Preface]. In: Ivanov VV, compiler. *Okhranitel'* [The guardian]. Moscow: Evropa; 2007. p. 5–7. Russian.

36. Prokhanov AA. Fifth Empire. The country is on the eve of restoring the form of its historical existence. *Politicheskii klass: Zhurnal politicheskoi mysli Rossii*. 2006;7:20–26. Russian.

37. Mezhuev BV. [«Civilization realism» as a chance to return theory to real politics]. *Filosofiya. Referativnyi zhurnal* [Internet]. 2019 [cited 2023 September 12];4:6–26. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsivilizatsionnyy-realizm-kak-shans-na-vozvrashchenie-teorii-k-realnoy-politik>. Russian.

38. Spiridonova VI. Civilizational self-identification as a response to the neoliberal crisis. *Russian Journal of Philosophical Sciences*. 2023;66(1):77–97. Russian. DOI: 10.30727/0235-1188-2022-66-1-77-97.

Статья поступила в редколлегию 20.10.2023.
Received by editorial board 20.10.2023.